

ТРАДИЦИОННЫЕ И НЕТРАДИЦИОННЫЕ (СПЕЦИФИЧЕСКИЕ) СРЕДСТВА ВИЗУАЛИЗАЦИИ ОБРЯДА: “МЕДВЕЖИЙ ПРАЗДНИК” НИВХОВ И АЙНОВ (СЕРЕДИНА XIX – КОНЕЦ XX в.)

М.В. Осипова

Марина Викторовна Осипова | <http://orcid.org/0000-0001-9486-1861> | ainu07@mail.ru | к. и. н., доцент, старший научный сотрудник отдела этнографии Сибири | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ключевые слова

визуальные средства, визуальные источники, изучение обряда, нивхи, айны, медвежий праздник

Аннотация

В статье предпринимается попытка впервые с помощью широкого спектра визуальных средств представить ушедший в историю обрядовый комплекс нивхов и айнов, именуемый “медвежий праздник амуро- сахалинского типа”. Автор анализирует как традиционно используемые исследователями визуальные источники (живописные работы, рисунки, фотографии и кинофильмы), так и специфический иллюстративный контент (образцы декоративно-прикладного искусства, в данном случае изображения на ритуальных предметах нивхов и айнов). Контекстуализация и введение в научный оборот нетрадиционных средств визуализации позволит расширить область этнографического знания и поможет тем, кто впервые обращается к теме “медвежьего праздника” коренных народов тихоокеанского побережья, сориентироваться в потоке информации (верbalной и невербальной) об одном из главных обрядов нивхов и айнов.

Исследование проведено в рамках плана НИР МАЭ РАН

Перед исследователями духовной культуры коренных малочисленных народов порой встают вопросы о надежности письменных источников, в которых встречаются описания давно вышедших из практики обрядовых действий, и о том, насколько реалистично эти описания отражают действительный ход событий. Существенную помощь в разрешении сомнений в таком случае могут оказать сохранившиеся в архивах и частных коллекциях живопис-

Статья поступила 23.04.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 12.06.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Осипова М.В. Традиционные и нетрадиционные (специфические) средства визуализации обряда: “медвежий праздник” нивхов и айнов (середина XIX – конец XX в.) // Этнографическое обозрение. 2025. № 1. С. 87–111. <https://doi.org/10.31857/S0869541525010055> EDN: URQDVZ

Osipova, M.V. 2025. Traditsionnye i netraditsionnye (spetsificheskie) sredstva vizualizatsii obriada: “medvezhii prazdnik” nivhov i ainov (seredina XIX – konets XX v.) [Traditional and Non-Traditional Means of Visualizing the Rite: The “Bear Festival” of the Nivkhi and Ainu (Mid-19th – Late 20th Centuries)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 87–111. <https://doi.org/10.31857/S0869541525010055> EDN: URQDVZ

ные произведения, рисунки, фотографии, открытки, кинофильмы, объемные изображения (макеты), т.е. традиционно используемые учеными визуальные средства информации. Но ведь есть еще и произведения декоративно-прикладного искусства, которые можно обозначить как специфические (в противовес широко распространенным обозначенным выше) визуальные средства информации.

О “медвежьем празднике” нивхов и айнов сохранилось немало картин, рисунков, фотографий и кинолент, созданных профессиональными и непрофессиональными художниками, чиновниками, выполняющими поручения правительства, учеными или по их просьбе представителями народов, первыми кинодокументалистами и фотографами. Кроме того, существует и значительное количество образцов декоративно-прикладного искусства, в том числе ритуальных предметов; они создавались самими нивхами и айнами – это был их способ кодификации информации. Известно, что невербальная информация, передаваемая визуальными средствами, воспринимается быстрее, она может быть доступнее и доходчивее, чем любая другая. Весь этот комплекс визуальных средств может использоваться и для популяризации научного знания, и для фиксации полевых сборов, и в научной аргументации, и в построении межкультурной коммуникации, или “диалога культур” (Данилко 2017: 7).

В этнографической литературе о “медвежьем празднике” нивхов и айнов написано немало. В обрядовый комплекс этих народов входили два обряда: спорадический и периодический. Спорадический обряд палеосибирского или тунгусского типа (его еще называют евразийско-американским) в честь медведя, убитого на охоте (*чхыв лыйдь* [нивхс. ам.д.] – “медведь убит”; *опуниэрэ* [айнск.] – “лететь, улететь, подняться, отправиться в путешествие”), проводился нивхами в течение шести, айнами в течение двух-трех дней (Howard 1893: 126; Крейнович 1982: 247). К сожалению, и визуального, и литературного материала о спорадическом обряде немного – это в основном описания или изображения сцен охоты на медведя. Периодический обряд в честь медведя, выращенного в селении, был более распространен, он до сих пор пользуется повышенным вниманием ученых и общественности. В этнографической литературе он обозначается как “медвежий праздник амуро- сахалинского типа”. У коренных народов это обрядовое действие имело свои названия. У нивхов в амурском диалекте зафиксированы: *к'отр ныдь* – “делать медведя”, *к'отр лақрдь* – “играть с медведем”, *к'откир тыцэдь* – “работать с медведем”, *чхыв лердь* – “медведь играет, медвежья игра”; в сахалинском диалекте: *чхыв ныд* – “делать медведя”, *чхыв вағ-вағнит* – “лечить медведя”, *чхыв лизь-лизинт* – “поправить, наладить медведя”, *му нивх т'ло озут* – “поднять душу умершего человека”, *ярк муинд* – “зятьями становится” (Тэмина 2016: 109). У айнов встречаются следующие наименования этого обряда: *йомантэ* (хокк. д.) – “отправить”, *камуй асиньке* (сах.д.) – “извлекать наружу, вытаскивать божество” (Batchelor 1905: 178; Добротворский 1876: 60). “Медвежий праздник” амуро- сахалинского типа мог длиться в течение двух и даже трех недель. Это было красочное действие, во время которого люди печалились и веселились, играли, пели и плясали, участвовали в спортивных состязаниях, разделяли с “отправленным” божеством трапезу.

Периодический обряд нашел отражение в многочисленных визуальных источниках, датируемых серединой XVIII – концом XX в. Зачастую случается так, что написанное о ставшем историей событии является субъективной

интерпретацией увиденного, тогда как визуальный материал – живописные работы, рисунки, фотографии, кинофильмы, макеты, так и ритуальные предметы – в той или иной степени помогает сформировать образ события, наглядно продемонстрировав его этапы, ход и участников; визуализация способствует пониманию сути обрядового действия. Однако специальных исследований, касающихся средств визуализации “медвежьего праздника” нивхов и айнов, пока не проводилось. В настоящей статье впервые предпринимается попытка посредством обзора и анализа широкого спектра визуальных источников о “медвежьем празднике” нивхов и айнов контекстуализировать его содержание. Кроме того, статья поможет сориентироваться в потоке визуальной информации об этом обряде тем, кто впервые обращается к непростой теме периодического “медвежьего праздника” дальневосточных народов.

Традиционные средства визуализации “медвежьего праздника” нивхов и айнов

Обряд в живописи и рисунках. Изучение отдельных сторон жизни коренных народов сквозь призму живописных полотен и рисунков приобретает все большее значение. Сами нивхи (за редким исключением) и айны – первые в силу отсутствия традиции и условий, вторые в силу религиозных воззрений – не оставили нам живописных или графических изображений сцен обряда “проводов” души медведя-предка к его хозяину – горному духу. Это было сделано иностранцами: исследователями и путешественниками, посетившими низовья р. Амур и о-в Сахалин (обряд нивхов); японцами или европейцами, проживавшими или побывавшими на о-ве Хоккайдо (обряд айнов).

Начало появлению изображений, относящихся к нивхскому “медвежьему празднику”, было положено в XIX в. в труде Л.И. Шренка “Об инородцах Амурского края”. Однако поскольку нивхи, как отмечает автор, неохотно соглашались на то, чтобы во время обряда делались какие-либо наброски, в книге опубликовано всего несколько черно-белых рисунков с места события. По просьбе Л.И. Шренка они были выполнены ученым-ботаником К.И. Максимовичем и позже обработаны для книги жанровым живописцем Н.Д. Дмитриевым-Оренбургским и хранителем Кунсткамеры Ф.К. Руссовым “с соблюдением всех мельчайших подробностей первоначальных рисунков” (Шренк 1903: 80). Значение этих иллюстраций трудно переоценить, так как это первые изображения нивхского обряда. В них содержатся сведения не только о самом обряде, но и об одежде людей, об устройстве жилища, о музыкальном инструменте, использовавшем во время праздника (музыкальном бревне *тятя ч'хар́/зас тяс*). Обращает на себя внимание рисунок головы медведя с украшением из ременных повязок с прикрепленными к ним одним или двумя агатовыми шариками и изображением жабы (Шренк 1903: 86–87). Е.А. Крейнович предполагал, что это украшение может быть неким подобием узелкового письма: с головы зверя шкура сдиралась вместе с ремнем, на котором оставались кусочки кожи с носа и губ зверя; ремень хранился и служил своеобразным документом, подтверждающим число убитых во время обряда медведей (Крейнович 1934: 186). В четырех таблицах книги Л.И. Шренка собраны сведения о происходивших во время обряда событиях: нахождение в доме медведя; его последняя перед убиением прогулка; исполнение в его честь на *тятя ч'хар́/зас тяс* мелодии. Здесь имеются изображения ритуальной площадки со всемиложенными атрибутами и амбара *лезн*,

в котором хранились черепа медведей, а также висящей на специально сооруженных в доме вешалах шкуры зверя с головой, которая наблюдает за праздничным пиршеством людей (Шренк 1903: табл. XLVII, XLVIII, XLIX) (см. Рис. 1). Все рисунки соответствуют приведенному Л.И. Шренком описанию обряда и точно передают особенности проведения отдельных этапов церемонии. В книге есть еще одна иллюстрация, на которой запечатлены веселящиеся люди (Там же: табл. XI). Сегодня это изображение зачастую интерпретируется как исполняемый на медвежьем празднике танец. Однако это ошибочное мнение. На рисунке запечатлена игра мужчин, соревнующихся в ловкости и выдержке (Шренк 1899: 68). Уникальность рисунков состоит и в том, что на них зафиксированы элементы обряда, о которых нет упоминаний в исследованиях более позднего времени: ременное украшение головы медведя; подвешивание шкуры медведя в доме на жердях; игра-соревнование мужчин.

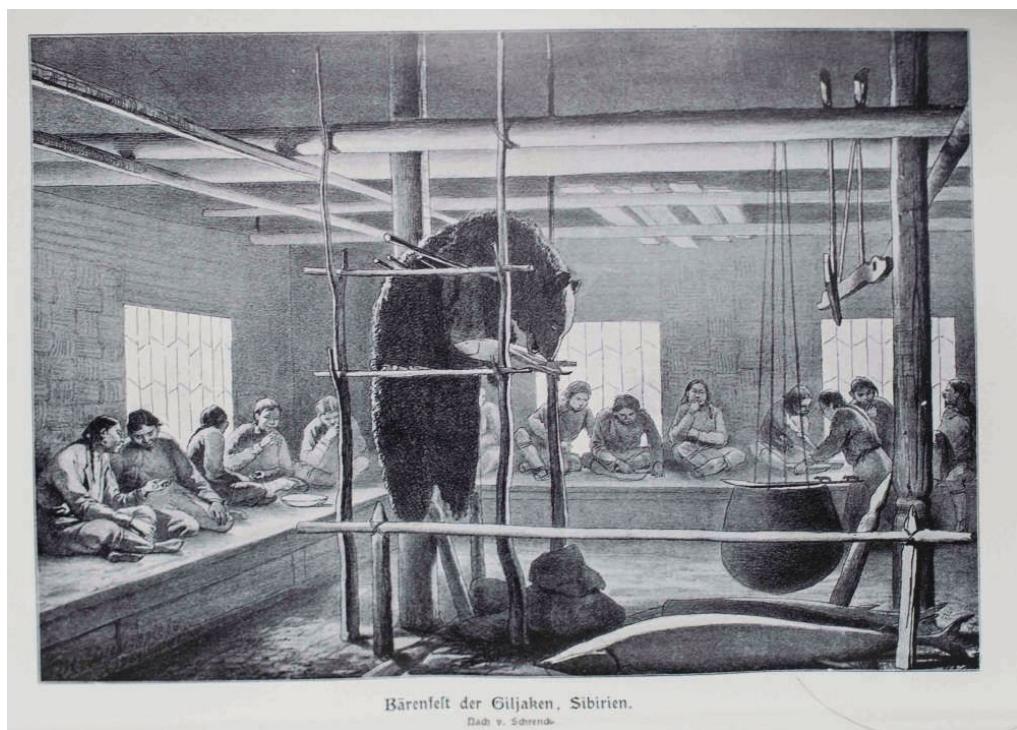

Рис. 1. Медвежий праздник у гиляков. Медвежья шкура с головой (Л.И. Шренк “Об инородцах Амурского края”, 1903 г.; табл. XLIX)

Очередные изображения праздника нивхов появляются только в начале XX в. Достоверными и заслуживающими особого внимания являются рисунки, выполненные в 1927 г. самими представителями культуры – сахалинскими нивхами Кешкером из с. Масхла-во и Пимкой из с. Чир-во по просьбе лингвиста Е.А. Крейновича и врача Я.А. Воловика.

Кешкером было подготовлено 12 рисунков на тетрадных листах в клеточку. По словам Е.А. Крейновича, эти рисунки напоминали наскальные писаницы – это был “плод его [Кешкера] индивидуального творчества” (Крейнович 1974: 339). Их можно сравнить с беломорскими петроглифами Залавруги или писаницами Пегтымеля: те же плоские антропоморфные фигуры, совершающие какие-то действия; схематично нарисованные, но узнаваемые животные. Все указывает на сохраненную архаичность сознания самодеятельного художника, который в стилизованной манере древних мастеров изобразил все этапы праздника в мельчайших подробностях: день приготовления к обряду – үарқхун п’прин гу/нау вағн қу (сах.д.); день извлечения зверя из клетки и его убийства – үа гусир твін гу – самый важный день; день усаживания зятьев – үарқ хунд, когда приготовленное мясо и жир медведя отдавались зятьям, самым важным и почетным гостям. На каких-то картинках изображений больше, на каких-то меньше. На них можно увидеть: землянку и в ней женщин, готовящих ритуальное блюдо мос; мужчин, режущих священные стружки; мастера, вырезающего ритуальный ковш; почетных гостей, одному из которых предстоит убить медведя; борющихся юношей. Кроме того, художник изобразил рядом с домом клетку с медведем и неподалеку от нее мужчин, подготавливающих площадку для убийства зверя. По традиции во время праздника проводились собачьи бега, поэтому на рисунке есть изображение собак. Все это “прочитывается” на первом, самом сложном в композиционном плане рисунке. На следующих изображены наиболее характерные для нивхского праздника особенности: котлы и топоры, которыми хозяин медведя и тот, кто убьет зверя, обменяются по окончании праздника; разделка туши медведя; обрядовое действие *теур ессинь* (внесение медвежьей головы в жилище), когда спускающийся через дымовое отверстие старик опускает голову зверя со шкурой в землянку; и т.п. В землянке шкуру с головой медведя встречает нивх, он ударяет по предварительно воткнутой в дымовое отверстие елке. Женщины сопровождают процессию игрой на музыкальном бревне (Крейнович 1974: 339–349). Таких подробных рисунков, где бы отражалось каждое действие участников обряда, больше нет. Это фактически повествование без слов о проводах высокочтимого существа и одновременно родственника. Возможно, именно этот визуальный материал лег в основу праздника, проведенного нивхами Сахалина в 1986 г.

Второй автор рисунков, нивх Пимка, объясняя Я.А. Воловику значение праздника, нарисовал үаню – место, где проводились обряды, посвященные горному духу, с привязанным к двум украшенным священными стружками столбам үағрыф медведем. Невдалеке от зверя автор расположил домик *то-раф* и закрепленное между двух столбов музыкальное бревно – под этим изображением автор сделал пояснение: “мамки колотят в чашки и поют”. На рисунке есть подпись: “с. Чирива гиляк гр. Пимка июля 1927 г.” (Пенская 1986: 158–160).

Первые изображения “медвежьего праздника” айнов стали появляться с середины XVIII в. Это были жанровые рисунки из жизни народа, выполненные японцами и позже получившие название *айну-э* (アイヌ絵). Айну-э способствовали распространению знаний об особенностях культуры айнов того времени. Анализируя изображения обряда, необходимо учитывать, кем они были сделаны – приезжим или постоянно проживающим на Эдзо (Хоккайдо) художником, так как в способах передачи информации будут заметные отличия. Если рисовал человек, приехавший по заданию сёгуната, чтобы правдиво отобразить увиденное

для дальнейшего изучения, то использовалась черно-белая палитра, изображения были схематичными, как, например, в книгах “Эдзо дэн” (蝦夷傳 – “Записки об Эдзо”) или “Эдзо кинбун ки” (蝦夷見聞記 – “Записи наблюдений Эдзо”). Когда же автором был житель Эдзо, в рисунке он, как правило, отображал свое видение события или, если это был заказ, пожелания своего клиента. В этом случае можно говорить уже о жанровых картинах, написанных в цвете и передающих какие-либо сцены из жизни айнов (*Синмё Хидэхито* 2007). В отличие от картин, выполненных приезжими мастерами по поручению сёгуната, работы местных авторов отличались яркими красками, динамичностью изображения и даже некоторой гротескностью, что, несомненно, привлекало внимание клиентов.

Самыми известными художниками, посещавшими остров и запечатлевшими особенности “медвежьего праздника” айнов, были Мураками Симанодзё (一村上島之丞) (Хата Авагимару – 秦橿丸), Тани Гэнтан (谷元旦) и Хаясака Бунрэй (早坂文嶺). Из тех, кто жил на острове постоянно, прежде всего следует назвать Кодама Тэйрё (Садаёси) (小玉貞良) и Хирасава Бёдзана (平沢屏山). Особняком стоит фигура Нисикава Хокуё (西川北洋), оставившего после себя целую серию замечательных рисунков, однако о нем самом сведений почти нет.

“Медвежий праздник” своей необычностью неизменно привлекал внимание японских чиновников, посещавших Хоккайдо, поэтому изображений обряда достаточно много: это и единичные рисунки, и целые серии, выполненные в стилизованной или реалистичной манере. Появление *айну-э* связывают с иллюстрациями в книге Араи Хакусэки (新井白石) “Эдзо си” (蝦夷志 – “Описание Эдзо”), вышедшей в 1720 г., но сцен с обрядом в ней не было. Они появились в более позднем издании “Эдзо си: цукэари кокуцу иппо” (蝦夷志: 附國圖一舡 – “Описание Эдзо: с приложением карты”), напечатанном в 1740 г. Это были рисунки, выполненные неизвестным художником согласно приведенным в тексте описаниям (*Sasaki* 1999: 82): сцены с медведем в клетке; начало всех обрядовых действий с медведем; продолжение обрядовых действий, когда медведя вытаскивают из клетки и ведут к месту убийства; процедура умерщвления зверя путем удушения; праздничная трапеза участников праздника. Изображения из этого источника позднее часто перекочевывали в книги других авторов (Хаяси Сихэя, Мацуура Такэсиро, в книгу “Эдзо коки санбун” [蝦夷國記纂聞 – “Коллекция Эдзо”] и др.). Традицию изображения сцен “медвежьего праздника” продолжил Кодама Тэйрё (Садаёси) (小玉貞良). В 1756 г. появились его зарисовки медвежьего праздника в книге “Эдзо кокуфу дзуэ” (蝦夷國風図絵 – “Сцены из жизни страны Эдзо”, 1756 г.) (*Irimoto* 2004: 63).

Однако для того, чтобы праздник состоялся, медведя нужно было добить. Запечатленных сцен охоты не так много, но они позволяют получить представление о применяемых айнами способах. Люди охотились на ходового и на залегшего в берлогу зверя. Зимой находящуюся в земле берлогу охотники “запирали”, перегораживая скрещенными жердями. На картине проживавшего на Эдзо художника Хирасава Бёдзана можно видеть, как убитого медведя вытаскивают из берлоги (см. Рис. 2). На его рисунках, как и на рисунках “приезжего” Мураками Симанодзё, помимо бытовых сцен, представлены все этапы “медвежьего праздника” айнов: от момента танца мужчин перед клеткой (это мог быть *йомантэ римс* или *тапкар*) в первый день праздника до “отправки” духа зверя и праздничного пиршества, когда люди, сидя перед убитым медведем, “разделяют” с ним трапезу.

Рис. 2. Хирасава Бёдзан. Вытаскивание из берлоги убитого медведя. Не ранее 1862 г. БУК “Омский областной музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля”. И nv. № Г33700 (бумага, акварель, гуашь, белила, тушь)

Кроме серий работ, существует определенное количество изображений с отдельными сценами обрядовых действий. Это, например: “Местные обычаи айнов” неизвестного художника XIX в. из коллекции Бруклинского музея (“Local Customs of the Ainu”. No. 12.688), где изображены поймавшие медведя айны, которые тащат его в селение; иллюстрации из книг Хаяси Сихэя (林子平) “Сангоку цуран цусэцу” (三國通覽圖說 – “Путеводитель по Троецарству”, 1786 г.), где женщина кормит грудью медвежонка, Тани Бунчо (Гэнтана) (谷文晁) “Эдзо кико” (蝦夷紀行 – “Путеводитель по Эдзо”, 1799 г. Т. 5) с сидящим в клетке медведем, Фукуи Ёсимару (福居/芳麿) “Эдзо но симабуми” (蝦夷の島踏 – “Поездка на остров Эдзо”, 1815 г.) с пойманым медведем, Мацуура Такэсиро (松浦武四郎) “Бого Кохо дзотэй нисси” (戊午/ 後方羊蹄日誌 – “Дневник исследований географии и ландшафта Востока и запада Эдзо”, 1861 г.) с айном, борющимся с медведем, Мамия Риндзо (間宮林蔵) “Кита Эдзо цусэцу” (北蝦夷圖說 – “Описание Северного Эдзо”, 1855 г.) с пойманым медведем. Есть изображение, принадлежащее, по-видимому, кисти художника Утагава Садахидэ (歌川貞秀) с летней охотой на медведя в книге врача Оути Йоана (大内榕庵) “Хигаси Эдзо явा” (東蝦夷夜話 – “Вечерние истории Восточного Эдзо”, 1861 г. Т. 3) и др. Отдельные рисунки *йомантэ* можно встретить в книгах европейских исследователей. Это, например, иллюстрация в книге “Япония” (“Nippon”, 1897 г.) Ф. фон Зибольда “Айны отмечают праздник омсия” (“Aino feiern das Fest Omsia”. Табл. XVII), где в шатре перед резными столбами, в окружении священных фетишей *inau* и как бы парящей в воздухе медвежьей головой со шкурой танцуют и наслаждаются хмельным напитком люди. Отметим, что в большинстве книг приведены копии изображений перечисленных выше японских авторов.

В Сахалинском областном краеведческом музее (СОКМ) с послевоенного времени хранятся живописные полотна считавшегося неизвестным художника, в том числе два посвященных “медвежьему празднику” айнов. Исследования сотрудников музея помогли установить имя автора. Им оказался Кимура Сёдзи, неоднократно бывавший на Сахалине (Чернакова 2022: 168). Его работы “Медвежий праздник у айнов” (СОКМ КП-5752-47/Ж-47) и “Пиршество во время медвежьего праздника” (СОКМ КП-5752-7/Ж-7) выставлены в постоянной экспозиции и неизменно привлекают внимание посетителей. Необходимо подчеркнуть, что это все-таки художественные произведения, в них отражение действительности переплетается с фантазией автора (см. Рис. 3). На первой картине изображен мужчина, одетый в красочно расшитый халат, с луком в руках; он готовится выстрелить в привязанного между двух столбов зверя. Окружающие с тревогой наблюдают за стрелком, ведь от его точности зависит, будет ли “отправка” духа медведя-первопредка к его хозяину – горному духу – надлежащей. Действие происходит недалеко от сруба, в котором содержался зверь. Вторая картина является продолжением первой; на ней распластанная туша медведя лежит перед сидящими на циновках мужчинами, за их спинами на вешалах размещены самые ценные вещи – сабли и ножны, шкуры животных, перед ними – чашки с ритуальным напитком, на которых лежит ритуальный предмет *ику́ниси*, с его помощью происходило общение с божествами.

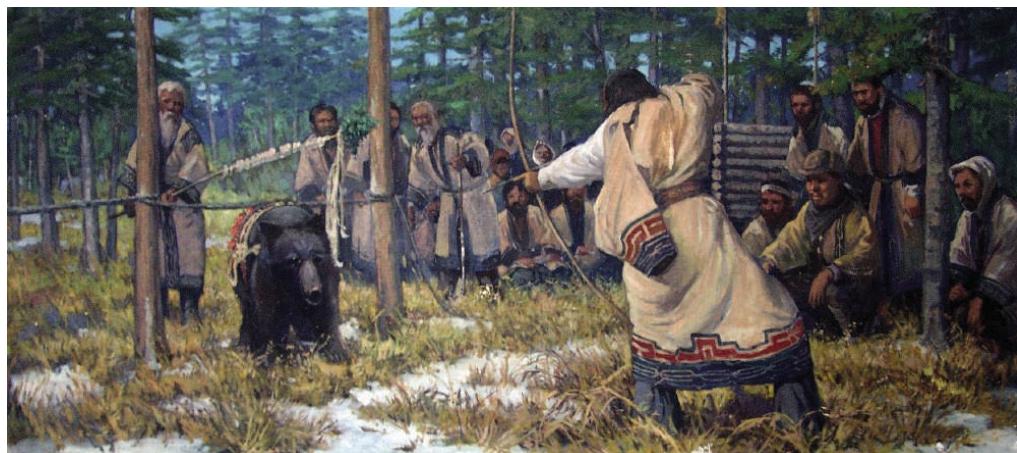

Рис. 3. “Медвежий праздник у айнов”. Автор Кимура Сёдзи. ГБУК “Сахалинский областной краеведческий музей”. СОКМ КП-5752-47/Ж-47

Сравнивая изображения сцен с “медвежьим праздником” нивхов и айнов Сахалина и Хоккайдо, можно заметить и сходства, и отличия. Так, для содержания зверя и те и другие используют сруб, но его конструктивные детали отличаются: у айнов это свайная постройка, у нивхов сруб стоит на земле. Это объясняется тем, что айны Хоккайдо держали медведя недолго – от одного года до трех лет, тогда как нивхи и айны Сахалина выращивали зверя порой до шести лет, причем самка содержалась четное количество лет, а самец нечетное. Периодически

медведя вытаскивали из клетки и выводили на прогулки, что подтверждается фотографиями. Рисунки нивхского праздника указывают на то, что он проводился поздней осенью или в начале зимы, что соответствует действительности. На полотнах японских художников обряд проходит в летнее время, хотя, согласно записям исследователей, фото- и киноматериалам, на Хоккайдо он также проводился обычно поздней осенью (в ноябре) или в январе-феврале (*Watanabe 1964: 75, 156*). Такое расхождение может быть объяснено лишь фантазией художника, посчитавшего, что празднование летом в окружении зелени будет выглядеть более живописно. На полотнах и рисунках, запечатлевших способы убийства зверя, тоже есть отличия. Нивхи убивают медведя выстрелом из лука, что подтверждается записями исследователей; айны Хоккайдо умерщвляют зверя более древним способом – удушением с использованием специальной жерди *о нумба ни* (*о* – частица с первоначальным значением “восходить”, *нумба* – “жать, прижать”, *ни* – “дерево”), что можно видеть на картинах *айну-э*. Если внимательно рассматривать изображения, то возникает вопрос о месте убийства медведя: на рисунках с “медвежьим праздником” нивхов это специальная площадка, играющая большую роль в проведении обряда, на японских полотнах зачастую такой площадки нет – возможно, авторы просто не вдавались в такие детали. Идентичными, согласно изображениям, являются действия с только что убитым зверем у нивхов и айнов: медведь укладывается на специально подготовленное место, перед ним расставляются чашки с едой, символизирующие совместную с людьми трапезу; только после трапезы зверя вносят в дом.

Айну-э, другие картины и рисунки, несмотря на определенные несоответствия изображенного на них и реальности, сегодня могут служить этнографическим источником, отобразившим аспекты еще не тронутой цивилизацией традиционной культуры нивхов и айнов. С помощью этих визуальных средств может быть проведена реконструкция содержания обряда, их можно использовать для сравнительного анализа с имеющимися фото- и кинодокументами, в том числе для определения произошедших трансформаций обряда в тот или иной период.

Фотографии, кинофильмы и макеты со сценами “медвежьего праздника”. Изобретенные в XIX в. фотография и кино в начале XX в. стали исследовательским инструментом и неотъемлемой частью полевой этнографии. Тем не менее ученыe до сих пор спорят об их значении. Одни считают, что этот вид визуальной информации может рассматриваться как равноправный источник. Они уверены, что в противовес картинам и рисункам, этим, по выражению С. Зонтаг, “рукотворным визуальным высказываниям”, являющимся откровенной интерпретацией, фотография (и кино) объективно передает действительность – это неоспоримое доказательство того, что данное событие произошло (*Sontag 1973: 174*). Другие утверждают, что фотоснимок и кинофильм скорее отражают субъективный взгляд на вещи и как этнографический источник рассматриваться не могут (*Papstein 1990: 247*).

Фотографии, выполненные в полевых условиях, подразделяются на четыре типа: аутентичные, исторические, репрезентативные и интерпретативные. К первому отнесены снимки, в которых прослеживается попытка “задокументировать” особенности материальной и духовной культуры какого-либо сообщества, ко второму – отражающие взгляд на прошлое и настоящее; “репрезентативный” тип нацелен только на настоящее и не затрагивает прошлого, а интерпретативный объединяет фотографии, вызывающие воспоминания, он

чаще всего используется СМИ (*Papstein 1990: 250–251*). В контексте данной статьи интересен первый, “аутентичный”, тип фотографий.

Первые фотографии “медвежьего праздника” нивхов появляются в 1927 г., когда на Дальний Восток отправляются молодые ученые. Одним из таких энтузиастов был Е.А. Крейнович, он прожил на Сахалине среди представителей коренных народов два года. Его фотографии “медвежьего праздника” в с. Пуир на Амуре, выполненные в 20–30-е годы XX в., можно считать первым фотосвидетельством этого обряда. Здесь есть кадры, показывающие, как люди связывают вытащенного из клетки зверя, как ведут его на прогулку и купают в реке, как готовятся кормить приготовленным угощением. Сфотографированы и клетки, в которых содержался медведь, и амбары с ритуальными предметами, и хранилище с костями, и ритуальные столбы на месте проведения праздника. Самым впечатляющим является кадр с головой медведя, лежащей на помосте (Альбом 2017: 101–109; эти же снимки имеются в коллекции МАЭ РАН – колл. МАЭ И-197).

Позднее фотографии “медвежьего праздника” появляются с завидной регулярностью. В 1950-е годы был зафиксирован обряд нивхов в стойбище Чоми (Амурский лиман), в 1967 г. – на Петровской косе. В 1951 г. профессиональный фотограф А. Михайлович присутствовал на нивхском празднике в стойбище Уарки (Уварки) и запечатлел весь ход обряда. На его снимках можно рассмотреть каждое действие людей, их лица и даже печаль в глазах медведя. Это уже не рисунки, а точное воспроизведение события; по этим фотографиям можно понять, насколько силен и непредсказуем бывает медведь (см. Рис. 4, 5).

Рис. 4. Игры с медведем. Стойбище Уварки, февраль 1951. Фото А. Михайловича. КГБНУК “Хабаровский краеведческий музей им. Н.И. Гродекова”. ХКМ КП 1705/1

Рис. 5. Выведение медведя на прогулку. Стойбище Уварки, февраль 1951. Фото А. Михайловича. КГБНУК “Хабаровский краеведческий музей им. Н.И. Гродекова”. ХКМ КП 1705/3

Согласно имеющимся данным, последний “медвежий праздник” на Амуре был проведен в 1968 г., а на Сахалине – 26 октября 1986 г. в стойбище Вени в присутствии сотрудников МАЭ РАН Ч.М. Таксами, В.И. Дьяченко, Ю.В. Чеснокова и Н.В. Ермоловой. Это был уже постановочный (и уже отнюдь не религиозный) обряд. Однако сделанные в его ходе фотографии (см. Рис. 6) и снятый японской компанией *NHK* фильм – это свидетельства реального существования на протяжении веков нивхского “медвежьего праздника” (к сожалению, исчезнувшего ко второй половине прошлого столетия).

Причин исчезновения “медвежьего праздника” из обрядовых практик нивхов было несколько: во-первых, к началу XX в. уже наметилось ослабление межродовых связей (обряд был именно межродовым); во-вторых, содержание в селениях медведя и проведение самого праздника требовало значительных затрат,

Рис. 6. “Медвежий праздник” нивхов; с. Вени, о-в Сахалин, 1986 г. Автор В.И. Дьяченко

позволить себе которые мог не каждый; в-третьих, советская власть не приветствовала проведение праздника, считая его пережитком прошлого. В результате это значительное по своим масштабам событие, объединяющее людей, исчезло из жизни нивхов, хотя попытки его возрождения предпринимались не раз.

Если говорить о фотографиях, на которых зафиксирован “медвежий праздник” айнов, в первую очередь следует упомянуть серию запечатлевших важнейшие этапы обряда снимков Б.О. Пилсудского, сопровождавших его статью “На медвежьем празднике айнов о. Сахалина” (1915). М.М. Прокофьев назвал эту статью “жемчужиной этнографии Дальнего Востока” (Прокофьев 2007: 25). Приведенные в ней фотографии – это не постановочные кадры, Б.О. Пилсудский использовал фотосъемку как инструмент, фиксирующий реально происходящее событие. Автору удалось посредством фотографии передать целостность происходящего (каждой его части) и при этом избежать искусственного построения и схематичности изображения увиденного (Bateson, Mead 1942: xii). Фотографии из статьи Б.О. Пилсудского имеются в коллекциях нескольких музеев (МАЭ, РЭМ, Национальный музей естественной истории, Этнографический музей Вены), по живописности и подробности освещения события их можно сравнить с рисунками нивха Кешкера. На снимках запечатлены участники праздника – мужчины, женщины и дети; на многочисленных кадрах присутствует главный герой обряда – медведь: медведь сидит и стоит на снегу возле своей клетки; медведь с человеком, произносящим перед ним прощальную речь; медведь, привязанный между двух столбов; медведь, раненный стрелой; убитый медведь

с лежащими на нем людьми. Не забыл Б.О. Пилсудский сфотографировать и все атрибуты праздника: стену из циновок, на которой вывешены самые ценные вещи айнов; площадку, укraшенную многочисленными *инау* и раздвоенными стволами *тугуси* с ритуальными стружками *инау-кике*. Большая часть фотографий сделана во время зимнего праздника, но встречаются снимки и с осенним пейзажем – на них многочисленная группа людей запечатлена на месте убийства медведя. По количеству участников можно судить о том, насколько масштабным было мероприятие. Фотографии Б.О. Пилсудского часто цитируются в изданиях, посвященных айнскому *йомантэ*.

Не менее интересны запечатлевшие праздник айнов Хоккайдо черно-белые снимки переселившегося в с. Сираои известного фотографа Киносита Сэйдзо (木下清蔵), сделанные в период с 1912 по 1941 гг., и фотографии из книги Сарасина Гэндзо (更科源蔵) “Йомантэ” (イオマンテ). Работы этих авторов также часто цитируют разные издания, они распространены в интернете. К сожалению, запечатленный на них обряд хоккайдских айнов – это постановочное действие. На Хоккайдо айнский праздник исчез раньше нивхского, так как после принятия в 1898 г. Закона о защите аборигенов (Protection Act) проведение обряда было запрещено на правительственном уровне. Праздник изредка организовывали для туристов, что и запечатлено на фотографиях тех лет. Последний раз постановочный обряд был проведен в 1994 г. в с. Сираои.

Впервые альбом со снимками Киносита Сэйдзо был опубликован в 1988 г., в 1994 г. он был переиздан. В нем есть специальный раздел “Йомантэ”, в который включено 28 снимков (в том числе семь с танцем *йомантэ римс*, исполняемым на празднике). На фотографиях запечатлен “медвежий праздник”, проводимый поздней осенью или ранней весной. В отличие от “отправляемого” нивхами или айнами Сахалина взрослого зверя, на снимках Киносита Сэйдзо – годовалый (или чуть старше) медвежонок. Сюжеты фотографий идентичны сюжетам *айну-э*. Но если при рассмотрении картин можно усомниться в правдивости изображенного, то при изучении фотографий можно быть уверенными, что на них зафиксированы реальные действия: вытаскивание медвежонка из стоящего на сваях сруба; вождение мужчинами зверя; поющие женщины; стреляющий в зверя ритуальной стрелой *хэпер-ай* старейшина; удушение медведя двумя бревнами; укладывание умерщвленного зверя и рассаживание вокруг него мужчин. На фотографиях все участники обряда одеты в богато орнаментированные халаты, на головах мужчин сплетенные из священных стружек *инау-кикэ* ритуальные короны *сапаунпэ*, среди зрителей находятся японские чиновники (Киносита Сэйдзо... 1994: 20–33, 98–102). Вскоре после выхода альбома отдельные снимки из этой серии были использованы для выпуска открыток (см. Рис. 7). Фотографии “медвежьего праздника” позволяют проанализировать социокультурный контекст прошлого. Их использование “оживает” научный текст и оказывает неоценимую помощь в понимании и воссоздании отдельных аспектов обряда и в целом культуры нивхов и айнов.

К категории первичных визуальных источников могут быть отнесены и кадры кинохроники, поскольку документальные фильмы не только фиксируют событие, но и отражают исторический, социальный и культурный контекст времени. Однако, если говорить о кадрах “медвежьего праздника” нивхов и айнов, документальными в полном смысле этого слова их назвать нельзя – все без исключения сцены были постановочными. В этом случае речь может идти о вторичных визуальных

Рис. 7. Открытка “The Bear Festival of the Ainu (Hokkaido)”. <https://ldr.lafayette.edu/concern/images/1c18dg98b>

источниках, когда картинки из прошлого не просто отражаются или воспроизводятся, а интерпретируются автором (Syska 2021). Задача исследователя или зрителя, столкнувшегося с такими фильмами, состоит в не в том, чтобы сразу отвергнуть увиденное или чтобы воспринять его как истину, а в том, чтобы попытаться понять, каким образом и в какой степени такой визуальный источник отражает то, что происходило в жизни людей на определенном историческом этапе.

Примерами таких вторичных средств визуализации “медвежьего праздника” могут служить фильмы первой половины XX в., снятые на Хоккайдо в с. Сираои путешественником Б. Бродским (1919) и профессором зоологии Хатта Сабуро (八田三郎) (1925), в Нибутани – врачом Н.Г. Манро (1931), в с. Чикабуми – Инуэйкай Тэцуо (犬養篠原) (в 1936 г. он снял фильм “Кинбун но кумаокури гирэй” [金文の隈送り儀礼 – “Записи о медвежьем празднике”]).

В фильме Б. Бродского “Великолепная Япония” (1919) есть несколько фрагментов с айнской деревней (с. Сираои), жители которой демонстрируют съемочной группе проведение обряда: вытаскивают медвежонка из клетки и показывают его присутствующим; в это время женщины поют и танцуют, затем наливают старейшинам саке; мужчины пьют саке, приподнимая усы ритуальной палочкой *икуниси*. Фильм Б. Бродского сопровождался авторским комментарием, отражавшим взгляды “просвещенной публики” на жизнь коренных народов. Так, говорилось, что айны, “как и американские индейцы, быстро исчезающая раса. Вытесненные на северный остров японской цивилизацией, они все еще сохраняют многие из своих полуварварских обычаяев” (Brodsy 1919). Поскольку в фильме не

было кадров с “отправкой” медведя, Окада Кадзую предположил, что вся церемония – это инсценировка по просьбе съемочной группы (*Okada 1999: 188*).

Фильм Хатта Сабуро “Сираои айну но сейкацу” (白老アイヌの生活 – “Жизнь айнов селения Сираои”) был показан на Пантихookeанской академической конференции в 1926 г. (*Ibid.: 189*). Почти каждый его кадр сопровождался субтитрами на японском языке. Фильм содержал сцены из повседневной жизни айнов (свадьба, вырезание *inau*, ткачество и т.д.) (*Hatta 1925*), и “медвежий праздник” стал лишь одной из них. Этот обряд фактически “потерялся” в потоке информации, однако, в отличие от Б. Бродского, Хатта Сабуро заснял сцену убийства зверя. Во второй половине XX в. часть, посвященная “медвежьему празднику”, была сделана как отдельный фильм. Есть он и в Сахалинском музее.

Особняком стоят документальные ленты врача Н.Г. Манро, долгие годы прожившего в Нибутани и похороненного там. Его фильмы – это летопись жизни окружавших его айнов. “Йомантэ. Медвежий праздник айнов” (“*Yomande. The Ainu Bear Festival*”) предположительно был снят 25 декабря 1930 г. (показан был позже), консультантом выступил лингвист Киндаити Кёсукэ (金田一京助). В первой версии фильма (1930) кадры с пояснениями Н.Г. Манро сопровождались субтитрами. Существует еще две сокращенные версии этого фильма (1961 и 1965 гг.), где некоторые кадры изменены, субтитры убраны, сделана озвучка – “закадровый голос” объясняет зрителю разворачивающиеся на экране действия. М. Сентено подчеркивал, что несмотря на “искусственность” отдельных сцен и подготовку специальной площадки под съемку, фильм снимался не в туристических селениях, таких как Сираои или Чикабуми, а в реальном населенном пункте айнов – в с. Нибутани (*Centeno 2018: 99–100*). Кадры окружающей природы, сопровождающиеся айнским песнопением, дают представление о местах проживания этого народа. Затем следует развернутый рассказ, повествующий о характере построек в селении, их конструктивных особенностях и предназначении. Зрителю предлагается информация об антропологическом типе айнов, об их происхождении, о татуировке, о японском влиянии на язык и культуру этого народа. Далее следуют многочисленные кадры с повседневными занятиями мужчин и женщин, приводится классификация фетиша *inau*. Сцены с “самым важным обрядом года – медвежьим праздником йомантэ” сопровождаются звуком национального инструмента *мужкури*. В фильме отражены все приготовления к празднику и все полагающиеся в его ходе действия (*Munro 1935*). В отличие от комментариев в фильме Б. Бродского, в пояснениях к ленте Н.Г. Манро звучит глубокое уважение к людям и их традициям, видно желание автора донести всю возможную информацию об одном из самых жизненно важных обрядовых комплексов айнов, объяснить его символическое значение.

В XX в. было снято достаточно много документальных фильмов о нивах, но с “медвежьим праздником” мне не удалось найти ни одного. Однако есть художественный фильм с этнографическим уклоном “Пегий пес, бегущий краем моря” (1990), снятый К.С. Геворкяном по повести Ч. Айтматова и содержащий кадры обряда. Фильм воспринимается скорее как документальный, но без конкретной привязки ко времени, и с определенной долей условности может рассматриваться как вторичный источник. Разворачивающиеся в фильме события могли происходить как в конце XIX, так и в первой половине XX в. Режиссером мастерски показан суровый климат острова, быт нивхов, говорящих на родном языке (что сегодня услышишь не часто) – иногда за кадром звучит перевод. Сцены с “медвежьим праздником” – это ожившие и со скрупулезной точностью переданные картинки Кешкера

и рисунки из книги Л.И. Шренка: можно услышать вживую “медвежьи” наигрыши, исполняемые женщинами, увидеть игру на музыкальном бревне и “медвежий” танец, вытаскивание зверя из сруба (можно убедиться в сложности этого действия), вождение его перед убиением, само убиение, обряд “перекидывания” шкуры, спускание через дымовое отверстие медвежьей головы, собачьи бега, соревнования людей и совместную трапезу (*Геворкян 1990*). Большая часть людей, занятых в фильме, – это сами нивхи, проживавшие в то время на острове, что несомненно добавляет этнографической ценности картине. Смущает и вызывает сомнение в правдивости изображенного лишь одежда, больше напоминающая одежду первобытных людей; по-видимому, этим автор хотел подчеркнуть отдаленность от цивилизации и дикость края нивхов и придать дополнительный колорит картине.

Для визуализации рассматриваемого обряда большой интерес представляет имеющийся в коллекции СОКМ уникальный (единственный в мире) предмет – макет, или объемное изображение с названием “Праздник медведя у сахалинских айнов” (1880) (см. Рис. 8). Он изготовлен из хлебного мякиша неизвестным

Рис. 8. “Праздник медведя у сахалинских айнов”. 1880 г. ГБУК “Сахалинский областной краеведческий музей”. СОКМ НФВ-1772

ссыльным и, согласно записям в “Каталоге Музея Общества изучения Амурского края”, был пожертвован музею в 1907 г. капитаном Феклиным (Пенская 1988: 163). На относительно небольшом пространстве ($41 \times 48 \times 2$ см) расположена многофигурная композиция с главным героем – привязанным к столбу медведем, в боку которого торчит стрела с раздвоенным оперением. Автор изобразил всех участников обряда в кульминационные моменты праздника: следящий за происходящим на площадке убийства медведя старейшина; мужчины в праздничных халатах, подпоясанных ремнями, на которых висят ножи в ножнах; молящийся человек; наблюдающие действие чиновники; участвующие в празднике дети. Здесь имеются все атрибуты праздника: вилообразный столб *тугуси* с привязанными *инай*; столб с задушенной собакой; лиственницы, между которыми растянуты циновки с обязательными развешанными в виде украшений мечами и ножами. В руках стоящего перед медведем мужчины – блюдо с угощением для зверя. На площадке размещены клетка, где содержался зверь, жилище с пристройкой и привязь для собак (на площадке их пять), а также нарта с грузом. Судя по точной передаче происходящего и тщательности проработки деталей, автор сам был свидетелем обряда. Этот макет дает полное представление о том, как проходил день убийства медведя и “отправки” его души к горному духу.

Нетрадиционные (специфические) средства визуализации “медвежьего праздника”

К специфическим визуальным источникам, дающим представление о “медвежьем празднике” нивхов и айнов Сахалина, можно отнести предметы декоративно-прикладного искусства с изображениями сцен обряда. У нивхов – это ритуальные “медвежьи” ковши *нъхыр*, у айнов – палочки *икүниси*, являющиеся этномаркерами культур этих народов. На этих предметах изображены добытые на охоте или живые медведи – главные герои праздника. Ученые (Л.И. Шренк, А.М. Золотарев, Е.А. Крейнович, С.В. Иванов, Ю.В. Кнорозов) сходились во мнении, что это не просто изображения, а своеобразные пиктографические записи событий, имевших место в действительности. Ю.В. Кнорозов считал, что любая ситуация в течение определенного времени остается неизменной и может быть передана статическим изображением (Кнорозов 2022: 539). Это в полной мере относится к сценам, вырезанным на *нъхыр* и *икүниси*, – рассматривая их, можно понять, какая ситуация имелась мастером в виду.

Нивхские ковши *нъхыр* имели большую ценность, их количество у владельца соответствовало числу убитых им медведей (Иванов 1937: 18, 20). А.М. Золотаревым была записана песня о вырезании такого ковша, которую исполняли мужчины перед тем, как убить зверя: “Кыль жемар э-э-э гегло лексо / Кыль жеманях гегло лексо”. Исследователь указал на ее архаичность, так как носители культуры даже не могли объяснить значение отдельных слов. Он так передал содержание приведенных выше строк: “Старик-мастер, сделай в память о медведе нъхыр / Старуха-мастер, сделай в память о медведе нъхыр” (Золотарев 1933: 62). Последняя фраза, по мнению А.М. Золотарева, указывала на связь в древности праздника с матриархатом, так как в новое время участие в нем женщин не допускалось.

Нъхыр представляет собой вырезанную из цельного куска дерева глубокую чашу овальной формы с ручкой на одном конце и заостренным лопатообразным

выступом на другом. Отмечается еще одна особенность нивхских ковшей: на них пиктографическое письмо сочетается с вырезанными объемными фигурками. Длина *ныхыра* варьировалась от полуметра до полутора метров. С помощью резьбы на ковши (на ручки и лопатообразные выступы) наносилась информация об обстоятельствах поимки и умерщвления медведя — это делалось с помощью реалистичных изображений различных положений медведя во время праздника, схематичных рисунков и условных знаков (нарезки, выемки, штрихи). Все ковши, судя по изображениям на их ручках, делятся на два вида: а) связанные с поимкой/добычей медведя (вырезан зверь с петлей на шее, его морда лежит на краю чаши); б) связанные непосредственно с “медвежьим праздником” (зверь привязан между двумя столбами, фигура медведя также обращена к чаше, а перекладина между столбами, соединяясь с основанием, образует раму прорезной ручки) (Лавров 1949: 33).

В первом случае резьба на ковше могла рассказать о способе поимки/добычи зверя: если медведь был приобретен, то делался ковш, на ручке которого вырезался один стоящий медведь или только орнамент (не было никаких знаков и изображений), иногда не было даже орнамента; если медведь был убит зимой в лесу, то на ручке реалистично вырезалась голова зверя, а туловище — схематично, в виде завитка (это означало шкуру с неотделенной головой); если медведя убили в берлоге, то изображалась рельефная, распластанная перед изображением берлоги фигура медведя, на выступе могли быть выемки-нарезки, означавшие следы от лыж охотников; если были добыты медвежата, то их стилизованные изображения (буторки) тоже наносились на ковш; если зверь был убит летом в лесу, схематически изображались место охоты (речка, лес), охотники (они обозначались не фигурками или выступами, а черточками, число которых соответствовало числу охотников), их следы и следы зверя (Иванов 1937: 20–21; Крейнович 1982: 185). Смысл изображений был понятен посвященному, и мужчины вполне могли “прочитать” на ковше обо всех обстоятельствах добычи медведя, выраженных пиктографическим письмом.

Не менее интересен и второй вид ковшей с фигурами медведей на “медвежьем празднике”. В этом случае медведь изображается привязанным при помощи цепи или ремня, гуляющим на цепи, в ошейнике и с поясом (см. Рис. 9а). Животные могли быть изображены сидящими, идущими или принимающими пищу, что, как отмечал С.В. Иванов, было “несвойственно анимистической скульптуре” (Иванов 1937: 21, 24).

Высокое мастерство исполнения и богатство форм отличают *икүниси* сахалинских айнов; коллекции ритуальных палочек имеются в МАЭ, РЭМ и СОКМ. Это единственный предмет, на котором можно увидеть рельефные фигуры животных, в том числе медведя. У айнов на *икүниси*, как и у нивхов на *ныхыре*, изображения выполнены в реалистической манере. Изображения на палочках можно разделить на три типа: барельеф (лежащая фигура с вытянутыми лапами); скульптурное изображение головы зверя перед чашечкой (см. Рис. 9б); горельеф. Самыми распространенными являются два первых типа изображений, третий встречается редко. Баба Осаму привел примеры трех *икүниси* из своей коллекции: на первой палочке вырезаны четыре фигурки идущих друг за другом медведей, на второй — медведица с медвежонком, на третьей — два медведя, пьющих воду из ручья. На двух *икүниси* были еще и пиктограммы. Автор предложил свою интерпретацию. На первой — фигура лежащего возле алтаря медведя с *инау* на теле, перед которым расположены пять сосудов и японская трубка, на второй — такое же изображение зверя, только

Рис. 9. а) Ложка деревянная с резьбой. Неизвестный мастер. КГБУК “Дальневосточный художественный музей”. Н-271 ДВХМ КП-2643; б) Икуниси с головой медведя. Из коллекции М.В. Осиповой

с мечом и двумя чащечками саке перед ним (*Baba* 1949: 30, plate VI). А.Б. Островский попытался классифицировать “медвежьи” композиции на *икуниси* согласно пространственному расположению фигурки: а) голова распластанного медведя смотрит в сторону заостренного конца; б) изображение медвежьей головы с атрибутами или без них; в) композиции без медведя, но с атрибутами медвежьего праздника; г) медведь в сопоставлении/противопоставлении с другим культовым животным (*Островский, Сем* 2019: 121–131). В коллекции СОКМ имеются *икуниси* со сценами начала и окончания медвежьего праздника. Так, на одной из них (СОКМ 84-2) вырезаны две объемные фигурки – стоящий медведь и сидящий медведь, привязанные веревками или цепями к столбам, здесь же вырезаны изображения собаки, лягушки, рыб. Четыре боковых насечки по противоположным сторонам палочки указывают на этапы праздника. На другой *икуниси* (СОКМ 84-8) отображен момент кормления медведя: зверь стоит у чашки с едой во время обряда (*Прокофьев* 2012: 25, 36).

Специфические средства визуализации (в данном случае образцы декоративно-прикладного искусства) обогащают людей знаниями и представлениями об отдельных сторонах духовной жизни народов, в частности об обрядовых практиках, о культовых/ритуальных предметах и их значении в жизни человека.

* * *

Принято считать, что только такие, ставшие уже традиционными, визуальные источники информации, как живопись, рисунок, фото- и кинодокумент, могут на языке неверbalного рассказать о событии, имевшем место в прошлом. Действительно, ни одно серьезное этнографическое исследование не может обойтись без них. Несмотря на то что эти визуальные материалы не могут дать готовых ответов на вопросы, которые задает себе ученый или обычный человек, интересующийся историей, они способствуют пониманию того, что происходило в прошлом.

У коренных народов, не имевших в своем арсенале таких “изобразительных инструментов”, появились свои, специфические средства визуализации информации. В данном исследовании в качестве таковых я, в частности, рассматриваю изображения на ритуальных предметах, повествующие об одном из главных обрядов у нивхов и айнов – о “медвежьем празднике”. Нанесенные на *њыхыр* и *икуնиси* фигурки (реалистичные и условные) и пиктографические знаки могут сообщить во всех подробностях о произошедшем событии. Специфические средства визуализации способны представить обряд несколько иначе, чем это делают письменные или традиционно используемые визуальные источники. Изучение образцов декоративно-прикладного искусства в такой оптике позволяет увидеть их ценность как этнографического и исторического материала. Стоит подчеркнуть, что и традиционно используемые исследователями, и специфические средства визуализации способствуют пониманию другой культуры и ее отдельных аспектов, в частности таких, как исчезнувший из обрядовых практик нивхов и айнов “медвежий праздник”. Этот ушедший в историю обряд сохраняется в памяти коренных народов и позволяет их потомкам осознавать ценность своего прошлого.

Источники и материалы

- Добротворский 1875 – Добротворский М.М. Айнско-русский словарь.* Казань: Типография Казанского Университета, 1875.
- Геворкян 1990 – Геворкян К.С.* “Пегий пес, бегущий краем моря”. 1990 // Youtube. <https://www.youtube.com/watch?v=AMxyjnUq7pE> (дата обращения 15.01.2015).
- Киносита Сэйдзо… 1994 – Киносита Сэйдзо исаку сасин-су сираои котан киндай.* Сираои айну но аюми (木下清蔵 遺作写真集 シラオイコタン: 近代白老アイヌのあゆみ; Посмертная фотоколлекция Сейдзо Киносита. Сираои Котан. История современных айнов Сираои). Hokkaido: Ainu minzoku hakubutsukan, 1994.
- Альбом 2017 – “Мне нужно еще много-много сделать…”.* Альбом фотографий из личного архива Е.А. Крейновича в собрании Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск: ГБУК СОКМ, 2017.
- Прокофьев 2012 – Прокофьев М.М. Икуниси – ритуальные лопаточки айнов Южного Сахалина* (из собрания Сахалинского областного краеведческого музея). Каталог. Южно-Сахалинск: ГБУК СОКМ, 2012.
- Тэмина 2016 – Тэмина М.Г.* Медвежий праздник нивхов: нивхско-русский тематический словарь // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 2016. № 20. С. 102–122.
- Хатта 1925 – Хатта Сабуро “Сираои айну но сейкацу”* (白老 アイヌ の 生活、 ; Жизнь айнов селения Сираои). 1925. СОКМ НВФ. Ед. хр. 2521-1.
- Batchelor 1905 – Batchelor J.* An Ainu-English-Japanese Dictionary. Tokyo: Methodist Publishing House, 1905.
- Brodsky 1919 – Brodsky B.* “Beautiful Japan”. 1919 // Youtube. TREASURES FROM AM FILM ARCHIVE 07. 19.10.2009. <https://www.youtube.com/watch?v=s00l-HkJGQLo> (дата обращения 12.06.2014).
- Munro 1935 – Neil Gordon Munro Released in the U.S. by University of California Extension Media Center.* *Munro N.G.* “Iomande: The Ainu Bear Festival”, 1935 // Internet Archive. 05.01.2017. <https://archive.org/details/iyomandet-heainubearfestival>

Научная литература

- Данилко Е.С.* Визуальная антропология как особый способ коммуникации: введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2017. № 3. С. 6–10.
- Золотарев А.М.* О пережитках родового строя у гиляков района Чомэ // Советский Север. 1933. № 2. С. 52–66.
- Иванов С.В.* Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936) / Отв. ред. И.И. Мещанинов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. С. 1–46.
- Кнорозов Ю.В.* Пиктографические надписи айнов // Избранные труды / Отв. ред. М.Ф. Альбедиль. СПб.: МАЭ РАН, 2022. С. 533–561.
- Крейнович Е.А.* Нивхский (гиляцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3 / Под ред. Я.П. Алькора. М.; Л.: ГУПИ, 1934. С. 181–222.
- Крейнович Е.А.* Медвежий праздник у нивхов // Бронзовый и железный век Сибири / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1974. С. 339–349.
- Крейнович Е.А.* О культе медведя у нивхов (публикация и анализ текстов) // Страны и народы Востока. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 5. М.: Наука, 1982. С. 244–283.
- Лавров И.П.* Об изобразительном искусстве нивхов и айнов (из материалов Амуро-Сахалинской экспедиции) // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1949. Вып. 5. С. 32–39.
- Островский А.Б., Сем Т.Ю.* Коды коммуникации с богами (мифология и ритуальная пластика айнов). СПб.: Нестор-История, 2019.
- Пенская Т.В.* Малые народы Сахалина в 1927–1928 годах (по страницам дневников врача Я.А. Воловика) // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области / Отв. ред. М.С. Высоков. Южно-Сахалинск: ИМиГ ДВНЦ АН СССР, 1986. С. 147–169.
- Пенская Т.В.* Макет “Праздник медведя у сахалинских айнов” // Айны: проблемы истории и этнографии / Сост. М.С. Высоков. Южно-Сахалинск: ИМиГ ДВО АН СССР, 1988. С. 163–167.
- Прокофьев М.М.* Предисловие // *Пилсудский Б.* Айны Южного Сахалина (1902–1905 гг.). Южно-Сахалинск: Сахалинский фонд культуры, ИНБП, Сахалинское кн. изд-во, 2007. С. 5–30.
- Синмё Хидэхито (新明, 英仁)* Айну фудзоку-га но кэню: Кинсэй Хоккайдо ни океру айну то бидзюцу (アイヌ風俗画」の研究: 近世北海道におけるアイヌと美術 – Исследование “жанровых картин айнов” – айны и искусство на Хоккайдо раннего Нового времени). 2007. <https://ci.nii.ac.jp/naid/500002331586>
- Черпакова К.Я.* Картины японского художника Кимура Сёдзи о коренных народах Южного Сахалина (Карафуто) в художественном собрании Сахалинского областного краеведческого музея // Вестник СОКМ. 2022. № 2. С. 167–177.
- Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края. Т. 2, Этнографическая часть. Первая половина: главные условия и явления внешнего быта. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1899.
- Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края. Т. 3, Этнографическая часть. Вторая половина: основные черты семейной, общественной и внутренней жизни.

- СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1903.
- Baba O.M. Iku-Nishi of the Saghalien Ainu // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1949. Vol. 79 (1/2). P. 27–35.*
- Bateson G., Mead M. Balinese Character: A Photographic Analysis // Special Publication of New York Academy of Sciences / Ed. W.G. Valentine. Vol. VII. N.Y.: New York Academy of Sciences, 1942.*
- Centeno M. Contextualizing N.G. Munro's Filming of the Ainu Bear Ceremony // Japan Society Proceedings. 2018. No. 154. P. 90–106.*
- Howard D. Life with Trans-Siberian Savages. L.: Longmans, Green and Co., 1893.*
- Irimoto T. Northern Studies in Japan // Japanese Review of Cultural Anthropology. 2004. Vol. 5. P. 55–89.*
- Okada K. The Ainu in Ethnographic Films // Ainu: Spirit of a Northern People / Eds. W.W. Fitzhugh, C.O. Dubreuil. N.Y.: Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, University of Washington Press, 1999. P. 187–191.*
- Papstein R. Creating and Using Photographs as Historical Evidence // History in Africa. 1990. Vol. 17. P. 247–265.*
- Sasaki T. Ainu-e: A Historical Review // Ainu: Spirit of a Northern People / Eds. W.W. Fitzhugh, C.O. Dubreuil. N.Y.: Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, University of Washington Press, 1999. P. 79–85.*
- Sontag S. On Photography // The New York Review of Books. 1973. Vol. 20 (16). P. 174–178.*
- Syska A. Using Documentary Film as a Historical Source // Research Methods Primary Source. 2021. (*Marlborough: Adam Matthew Digital, 2021*). <https://pearl.plymouth.ac.uk/cgi/viewcontent.cgi?article=1291&context=sc-research>*
- Watanabe H. The Ainu: A Study of Ecology and the System of Social Solidarity between Man and Nature in Relation to Group Structure // Journal of the Faculty of Sciences. 1964. Vol. II (6).*

Research Article

Osipova, M.V. Traditional and Non-Traditional Means of Visualizing the Rite: The “Bear Festival” of the Nivkhi and Ainu (Mid-19th – Late 20th Centuries) [Traditsionnye i netraditsionnye (spetsificheskie) sredstva vizualizatsii obriada: “medvezhii prazdnik” nivhov i ainov (seredina XIX – konets XX v.)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2025, no. 1, pp. 87–111. <https://doi.org/10.31857/S0869541525010055> EDN: URQDVZ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Marina Osipova | <http://orcid.org/0000-0001-9486-1861> | ainu07@mail.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

visual means, visual sources, studying rituals, bear festival, Nivkhi, Ainu

Abstract

This article is an attempt to discuss the ritual complex of the Nivkhi and Ainu, called the “bear festival of the Amur-Sakhalin type”, by examining a wide range of visual means such as painting, drawing,

photography, films, etc. I explore both the typical means of visualization that are commonly addressed by researchers (drawings, paintings, photos, and films), and the means that have received less attention (arts and crafts, decorative arts, particularly depictions on various ritual objects). I argue that a broader contextualized study of the latter is important both as a way of expanding ethnographic knowledge and as a way of helping those inquiring into the topic of bear festivals among native peoples of the Pacific coast better understand the range of available verbal and non-verbal information pertaining to what essentially has been one of the most significant rites of the Nivkhi and Ainu.

References

- Baba, O.M. 1949. Iku-Nishi of the Saghalien Ainu. *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland* 79 (1/2): 27–35.
- Bateson, G., and M. Mead. 1942. Balinese Character: A Photographic Analysis. In *Special Publication of New York Academy of Sciences*, edited by W.G. Valentine, VII. New York: New York Academy of Sciences.
- Centeno, M. 2018. Contextualizing N.G. Munro's Filming of the Ainu Bear Ceremony. *Japan Society Proceedings* 154: 90–106.
- Cherpakova, K.Y. 2022. Kartiny yaponskogo khudozhnika Kimura Sedzi o korennnykh narodakh Yuzhnogo Sakhalina (Karafuto) v khudozhestvennom sobranii Sakhalinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia [Paintings by Japanese Artist Kimura Shoji about the Indigenous Peoples of Southern Sakhalin (Karafuto) in the Art Collection of the Sakhalin Regional Museum of Local Lore]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeia* 2: 167–177.
- Danilko, E.S. 2017. Vizual'naia antropologija kak osobyi sposob kommunikatsii: vvedenie k spetsial'noi teme nomera [Visual Anthropology as a Special Way of Communication: Introduction to the Special Topic of the Issue]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 3: 6–10.
- Howard, D. 1893. *Life with Trans-Siberian Savages*. London: Longmans, Green and Co.
- Irimoto, T. 2004. Northern Studies in Japan. *Japanese Review of Cultural Anthropology* 5: 55–89.
- Ivanov, S.V. 1937. Medved' v religioznom i dekorativnom iskusstve narodnostei Amurya [Bear in the Religious and Decorative Art of the Amur Peoples]. In *Pamiati V.G. Bogoraza (1865–1936)*, [In Memory of V.G. Bogoraz (1865–1936)], edited by I.I. Meshchaninov, 1–46. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Knorozov, Y.V. 2022. Piktograficheskie nadpisi ainov [Pictographic Inscriptions of the Ainu]. In *Izbrannye Trudy* [Selected Works], edited by M.F. Albedil, 533–561. St. Petersburg: MAE RAN.
- Kreinovich, E.A. 1934. Nivkhskii (giliatskii) yazyk [Nivkh (Gilyak) Language]. In *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa* [Languages and Writing of the Peoples of the North], edited by Y.P. Alkor, 3: 181–222. Moscow; Leningrad: GUPI.
- Kreinovich, E.A. 1974. Medvezhii prazdnik u nivkhov [Bear Festival among the Nivkhi]. In *Bronzovy i zheleznyi vek Sibiri* [Bronze and Iron Age of Siberia], edited by V.E. Laricheva, 339–349. Novosibirsk: Nauka.
- Kreinovich, E.A. 1982. Okul'te medvedia u nivkhov (publikatsiia i analiz tekstov) [About the Cult of the Bear among the Nivkhs (Publication and Analysis of Texts)]. In *Strany i narody Vostoka. Strany i narody basseina Tikhogo okeana* [Countries and Peoples of the East & Countries and Peoples of the Pacific Ocean Basin], 5: 244–283. Moscow: Nauka.

- Lavrov, I.P. 1949. Ob izobrazitel'nom iskusstve nivkhov i ainov (iz materialov Amuro-Sakhalinskoi ekspeditsii) [On the Fine Arts of the Nivkhs and Ainu (From the Materials of the Amur-Sakhalin Expedition)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR* 5: 32–39.
- Okada, K. 1999. The Ainu in Ethnographic Films. In *Ainu: Spirit of a Northern People*, edited by W.W. Fitzhugh and C.O. Dubreuil, 187–191. New York: Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, University of Washington Press.
- Ostrovskii, A.B., and T.Y. Sem. 2019. *Kody kommunikatsii s bogami (mifologii i ritu-al'naia plastika ainov)* [Codes of Communication with the Gods (Mythology and Ritual Plasticity of the Ainu)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Papstein, R. 1990. Creating and Using Photographs as Historical Evidence. *History in Africa* 17: 247–265.
- Penskaia, T.V. 1986. Malye narody Sakhalina v 1927–1928 godakh (po stranitsam dnevnikov vracha Y.A. Volovika) [Indigenous Peoples of Sakhalin in 1927–1928 (According to the Pages of the Diaries of the Doctor Y.A. Volovik)]. In *Materialy k izucheniiu istorii i etnografii naseleniya Sakhalinskoi oblasti* [Materials for the Study of the History and Ethnography of the Population of the Sakhalin Region], edited by M.S. Vysokov, 147–169. Yuzhno-Sakhalinsk: IMiG DVNTs AN SSSR.
- Penskaia, T.V. 1988. Maket “Prazdnik medvedia u sakhalinskikh ainov” [Model “Bear Festival among the Sakhalin Ainu”]. In *Ainy: problemy istorii i etnografii* [The Ainu: Problems of History and Ethnography], edited by M.S. Vysokov, 163–167. Yuzhno-Sakhalinsk: IMGiG DVO AN SSSR.
- Prokofiev, M.M. 2007. Predislovie [Preface]. In *Ainy Yuzhnogo Sakhalina (1902–1905 gg.)* [The Ainu of Southern Sakhalin], by Piłsudski, 5–30. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskii fond kul'tury, INBP, Sakhalinskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Sasaki, T. 1999. Ainu-e: A Historical Review. In *Ainu: Spirit of a Northern People*, edited by W.W. Fitzhugh and C.O. Dubreuil, 79–85. New York: Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, University of Washington Press.
- Shinme, Khidekhito. 2007. *Ainu fūzoku-ga’ no kenkyū: Kinsei Hokkaidō ni okeru Ainu to bijutsu* [Research on Ainu Genre Paintings: Ainu and Art in Early Modern Hokkaido]. <https://ir.soken.ac.jp/records/38>
- Shrenk, L.I. 1899. *Ob inorodtsakh Amurskogo kraia* [About Foreigners of the Amur Region]. Vol. 2, *Etnograficheskaiia chasti'. Pervaya polovina: glavnye usloviia i yavleniia vneshnego byta* [Ethnographic Part: The First Half: The Main Conditions and Phenomena of External Life]. St. Petersburg: Tipografia Imperatorskoi Akademii nauk.
- Shrenk, L.I. 1903. *Ob inorodtsakh Amurskogo kraia* [About Foreigners of the Amur Region]. Vol. 3, *Etnograficheskaiia chast'. Vtoraia polovina: osnovnye cherty semeinoi, obshchestvennoi i vnutrennei zhizni* [Ethnographic Part: The Second Half: The Main Features of Family, Social and Internal Life]. St. Petersburg: Tipografia Imperatorskoi Akademii nauk.
- Sontag, S. 1973. On Photography. *The New York Review of Books* 20 (16):174–178.
- Syska, A. 2021. Using Documentary Film as a Historical Source. *Research Methods Primary Source (Marlborough: Adam Matthew Digital, 2021)*. <https://pearl.plymouth.ac.uk/cgi/viewcontent.cgi?article=1291&context=sc-research>
- Watanabe, H. 1964. The Ainu: A Study of Ecology and the System of Social Solidarity

- between Man and Nature in Relation to Group Structure. *Journal of the Faculty of Sciences* II (6).
- Zolotarev, A.M. 1933. O perezhitkakh rodovogo stroia u giliakov raiona Chome [On the Remnants of the Clan System among the Gilyaks of the Chome Region]. *Sovetskii Sever* 2: 52–66.